

**Задание 1.** Целостный анализ текста. Выберите для анализа ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Вы можете опираться на вопросы после текста или выбрать собственный путь анализа.

*Иван Бунин*

### **История с чемоданом**

Начинается эта ужасная история весело, просто и гладко.

Дело происходит в доброе старое время, однажды весною.

Я молод, беспечен, легковерен, живу в Москве и собираюсь в свое первое путешествие в Турцию, что, конечно, еще больше меня окрыляет, делает особенно легким в решениях, в поступках, в доверии к жизни.

И вот наступает день моего отъезда, я начинаю укладывать вещи, вижу, что мой прежний чемодан слишком мал, истрепан, и отправляюсь в Английский магазин, на Кузнецкий, чтобы купить новый, большой, прочный.

Что такое чемодан? Это ближайший, интимнейший друг человека, – по крайней мере, в дороге, – выбор которого требует, значит, немало ума, расчета, опытного и зоркого глаза, способности многое предвидеть, взвесить, а еще и того, конечно, чтобы, выбирая вещь практично, выбрать вместе с тем нечто такое, что не причинило бы ущерба и эстетическим вкусам, пренебрежение к которым может иной раз сделать самую практичную покупку ненавистной. Что до чемодана, о котором идет эта повесть, то я купил его совсем иначе: вне всяких мудрых правил, изложенных выше, без дум и размышлений, с небрежнейшей быстротой, однако ж на редкость удачно. Так, во всяком случае, казалось сначала – и не без оснований: чемодан на первый взгляд был безупречен.

Я до сих пор отлично помню, как произошла эта покупка. Я вошел в магазин бодро, живо, с тем приятным чувством, с каким всегдаходишь в магазин дорогой, богатый и потому спокойный, просторный, красивый, а главное, знакомый, где тебя не только давно знают, но, как кажется, и любят, где продавцы, похожие на людей из хорошей гостиницы, встречают тебя какою-то такой улыбкой, что тебе вдруг делается очень лестно и ты мгновенно становишься фатом, спеша притвориться тем именно светским молодым человеком, держаться которым тотчас заставляет тебя уже одна эта улыбка. Я, помню, отвечая на поклоны, засунув в левый карман пальто набалдашник трости, конец которой торчал у меня за плечом, быстрым шагом прошел по коврам, по разным отделеньям магазина, мельком хвастнул, что уезжаю надолго, далеко, и, войдя в дорожное отделение, кивнул головой на первый попавшийся чемодан смуглой кожи, не спросив даже, что он стоит, – только приказав отправить его вместе со счетом в мой номер в “Лоскутной”. Я сразу, конечно, заметил, что в своем фатовстве слегка зарвался, – что цена чемодана, когда я о

ней узнаю, заставит меня ахнуть. Но эта мысль, это чувство тотчас исчезли в сознание, что такой превосходной вещи у меня еще никогда не бывало, что я могу покрыть эту трату экономией на прочих расходах... Взгляд мой упал на этот чемодан совершенно случайно, но я им сразу восхитился – и не даром.

Повторяю: не в пример большинству покупок, столь пленяющих в лавках, а дома, при ближайшем и спокойном рассмотренье, приносящих чаще всего большое разочарование, чемодан оказался и в “Лоскутной” вполне достойным восхищенья. В магазине он так поразил меня своими замками, кожей и тем, как он вообще дивно сработан, что я, принужденный сделать до отъезда еще кое-какие покупки, ужасно торопился как можно скорее воротиться домой, спешил, как на любовное свиданье. А он был уже там, в “Лоскутной”, как бы ждал моего прихода, спокойно лежа в номере на диване, весь обернутый толстой синей бумагой и увязанный тонкой и крепкой бечевкой. Я наконец приехал, вбежал в номер и кинулся к дивану. Я быстро перерезал бечевку, разметал бумагу – и вот мой новый друг и спутник предстал передо мной во всем своем блеске: большой, тяжелый, прочный, ладный, с этим удивительным лоском новой великолепной кожи, с зеркально-белыми замками, благородно-пахучий, атласно-скрипящий... Легко себе представить, с каким чувством я его раскрыл, увидел его девственные недра, большой карман темно-красного сафьяна с исподу верхней половины!

Так радовал он меня всю дорогу до Одессы. Я все время наслаждался чувством своего обогащенья, мыслью о том, чем обладаю. Сажу в вагоне-ресторане за обедом, лечу и мотаюсь, расплескивая, наливаю красное бордо в низкий и толстый стакан, гляжу на столы, на соседей, на тот веселый, пестрый блеск, что присущ всем вагонам-ресторанам, потом пью кофе и курю жаркую и сладкую сигару, а сам мысленно вижу свое купе с уже раскрытой постелью, лампочку под розовым абажуром на столике возле постели – и его, мою гордость: лежит себе в оттянувшейся сетке, плотно набитый всем мне необходимым, качается и дремлет, мчитя вместе со всеми нами в Киев, в Одессу! Возвратясь в купе после обеда, выписываю нарзану, слегка задыхаюсь от его стеклянноклющих иголок, раздеваюсь, тушу свет, засыпаю – и опять та же мысль, то же чувство: ночь, вагон, темнота, все летит, рвет, скачет, а он тут, он со мной, в этой сетке... Я чувствовал к нему даже какую-то благодарность!

Ну-с, а затем мы приехали с ним в Киев, пересели в другой поезд, тоже ночной, курьерский, а утром проснулись уже под Одессой, в то время когда весь вагон умывался, одевался, пил чай и кофе, что несли по поезду лакеи... В Одессе мы остановились в “Петербургской”, он, то есть чемодан, полежал в вестибюле, а я съездил в пароходную контору, потом позавтракал в ресторане “Петербургской” жареной глосью<sup>1</sup>, запивая ее белым вином кристи, и, расплатившись по счету и вновь соединившись с чемоданом, поскакал в Карантинную Гавань... Пароход уже готовился к отходу. Он оказался старый, видавший виды, низкий, с тяжелой кормой, с глубокой посадкой, – значит, подумал я, покойный, не валкий. Был он приятен и тем, что был совсем почти безлюден, – только подъехало в самую последнюю минуту еще два пассажира первого класса, какой-то ксендз<sup>2</sup> и в трауре худая дама, из посольских, – так что в нашем с чемоданом распоряжении оказалась целая большая каюта. Там

---

<sup>1</sup> Жареный глось — блюдо из жареной рыбы, представляющей собой маленькую речную камбалу.

<sup>2</sup> Ксендз — польский, а также белорусский и украинский католический священнослужитель.

чемодан лег на верхней койке, а я расположился на нижней. Вскоре после того пошел над нами топот матросов, под бортами зашумело, забурлило, послышались свистки, команда, треньканье телеграфа из вахтенной рубки в машину, набережная стала от бока парохода отделяться... На закате мы были уже далеко в море, и я не запомню столь ровного, безмятежного хода, каким шли мы весь вечер, а потом в мягкой тьме морской ночи с теплым и все крепнущим ветром. Надышавшись им на юте, я, часов в десять, был уже в койке и стал погружаться в сладкую дремоту, медленно опускаясь и поднимаясь вместе с нею, валясь то на правый бок, то на левый, временами шумно покрываясь целым водопадом вдруг откуда-то ударившей в стену волны, временами же ровно, тихо дрожа на слегка стучащей дрожи работавшей где-то в глубине машины... как вдруг, как раз в ту самую минуту, когда я уж совсем было исчез куда-то, меня вознесло, как на качелях, потом метнуло книзу и оглушило таким громом, что я дико сорвался с койки – в полном убеждении, что пароход налетел на что-то, что сейчас в каюту хлынет море, – и получил такой страшный удар в ноги, что ринулся вниз головой, под ревущий умывальник, но, по счастью, не успел его достигнуть, ибо пол за мной внезапно провалился, и я снова покатился к койке, снова настигаемый каким-то громом... И пошла, пошла потеха!

Дело было ясно: страшная качка! Но этот гром, грохот? Этот удар в ноги? Чем это меня такхватило? Страшней всего было мгновение ожидания нового удара, пока я катился к койке. Тут я, однако, изловчился, упал в койку грудью и, поймав на переборке какую-то кнопку, осветил каюту. Что ж оказалось? В шуме волн, в свисте ветра, в скрипе переборок, по полу бешено летающей каюты носится что-то живое! Да, живое, живое! Что? Но чемодан, конечно! Это он оглушил меня громом, брякнувшись с верхней койки об пол, потом чуть не перебил мне ноги... Теперь, на свободе, он носился по каюте как угорелый. Он точно мстил кому-то за всю ту покорность, с которой он должен был лежать всю дорогу в сетках, притворяться моей вещью, бездушным чемоданом. Он вдруг ожил и бесовски разыгрался: гладкий, скользкий, тяжелый, как булыжник, набитый мной до круглоты, до отказа, как говорят нынче, он, в диком и резком веселье, то мчался на меня, на койку и бил лбом в ножку койки, то, подпрыгнув, кубарем летел под умывальник, а оттуда к двери, а от двери под иллюминатор... Умывальник, мотаясь, как пьяный, задыхался, отчаянно ловил своей дырой воздух, клокотал и захлебывался ревом, переборки трещали, скрипели, иллюминатор то и дело падал своим черным стеклом в налетавшие волны, которые, взвиваясь, били в него густой, мутной слюной, текли ее мерзкими разводами, кружевами, а чемодан стервенел все больше и больше, ничуть себя не жалея, драл свою дивную кожу, с яростью бился замками и углами обо что попало... Надо было немедленно кинуться на этого безумца, подмять под себя, притиснуть к полу, забить под койку! И вот я опять сорвался с конки и упал на него всем телом. Но тут пол за мной опять рухнул, впереди же встал дыбом – и чемодан быстро выскользнул из-под моего тела, крепко дал мне в темя и, крутясь, грохоча, сам понесся под койку. Я мгновенно перевернулся и уже готов был вбить его туда одним ударом, но он вдруг подпрыгнул, как мячик, взвился и понесся к двери, а я угодил как раз туда, куда его метил, – под железную сетку койки, страшно ободравшую мне плечи.

Продолжать ли рисовать эту гнусную битву? Ей не было конца и края. Я тоже потерял рассудок, тоже остервенился. Сперва я еще думал, что все это только игра моего воображения, — что чемодан мне только показался живым, одушевленным; я сначала испугался лишь корыстно, — того, что он весь изобьется, обдерется, кинется к нему, в сущности, на помощь, чтобы облегчить ему возможность где-нибудь приткнуться, задержаться... Но нет, он вовсе не был лишь игрушкой, забавой волн и ветра, бессмысленной вещью, безвольно вверх и вниз летавшей вместе с каютой! Он, видимо, сознательно был счастлив всем этим адом качки, давшей ему столь чудесный случай сорваться на пол и пуститься в свои беснованья, раззадорить меня ими, вовлечь в схватку и начать нещадно гвоздить почем попало. И если б кто видел, сколь он оказался ловок, прыток, изворотлив, как метки и ужасны были все его удары, какой умной, сильной, злобной тварью он вдруг объявился! Но ведь и я был не из таковых, что сдаются сразу. Я бился не на живот, а на смерть, руками и ногами, — и порой награждал его такими тумачками, что он, невзвидев света, взвивался чуть не на умывальник, у которого все больше выворачивало душу от морской болезни. Я скрежетал зубами, — о, если бы помощь! Но кто же мог помочь мне? Кричать — верх позора, да и кто бы отозвался? Не спали лишь там, на вахте! Я задыхался, обливался потом, катаясь по каюте в самом постыдном, растерзанном виде, молил бога о кинжале: о, если б кинжал — с каким упоеньем я всадил бы его в бок этой твари! Но какой кинжал, откуда? Да и что ему кинжалы!

Кончилось все же моим бегством. “Будь ты проклят! — крикнул я ему под утро. — Носись, взвивайся, грохочи тут сколько хочешь!” И, кое-как одевшись, выскочил вон из каюты.

Наверху был холод, лед, пустыня, буря, палубу то и дело крыло пенными и шумными хвостами крепко пахнущего мокрым бельем моря. Я жадно хватал грудью свежий воздух, стоял, мотался, ухватясь за притолоку рубки. Уже стихало и светало. Борт передо мной летел в лиловеющее облачное небо, а небо куда-то прочь, в бездну, потом вдруг открывалась и отвесно неслась прямо на меня равнина моря, — зелено-седого, изрытого ухабами, горами, с которых дымом, метелью гнало пыль пены. Я метнулся из рубки на холодный ветер или, говоря поэтичней, в ледяные крылья бури — и, с безобразно вздутым картузом, в один зигзаг перелетел к юту<sup>3</sup>, ют в тот же миг взвился вверх своим широким задом, все остальное, вся та неуклюжая тяжесть, что была впереди, подо мной — палуба, рубка, труба и отчаянно вопиящие спасти, — повалилось к носу, поклонилось морю и по плечи, по горло, с мучительным наслаждением, в него погрузилось, и я увидел, как мала и несчастна наша старая черная баржа в этом огромном и дико-пустынном водном круге, высоко затоплявшем горизонты, охваченном лохматым небом. Но что мне было до всей этой картины! Я, видя, что все-таки стихает, что близится утро, стискивал зубы, бормотал злорадно, сладострастно (чемодану, конечно):

— Ну, погоди, погоди же!

А в сущности, что я мог ему сделать?

---

<sup>3</sup> Ют (устар. гют, от нидерл. hut — «ют, каюта») — кормовая надстройка судна или кормовая часть верхней палубы.

*Выполняя целостный анализ произведения И. Бунина, обратите внимание на специфику конфликта (В чем заключается конфликт, как он раскрывается?), сюжетную линию (Как происходит развитие сюжета? Что придает динамики описываемым событиям?), особенности повествования (От чьего лица ведется повествование? Какими качествами обладает этот субъект?).*

*Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.*

**Ирина Ермакова**

**Гоголь**

В сочельник, как только метелью  
Окно чердака унесёт,  
Немедленно Гоголь безносый  
Соратников бывших зовёт.

Он машет большим руками,  
Он требует Рождество,  
Но ряженные облакини  
Фланируют мимо него.

Но ухают трубы печные,  
Теряют снега высоту,  
Но прячутся зыбкие твари,  
Прихрамывая на лету.

Лишь мелочь косматая прыснет,  
Да тени скользнут из щелей,  
Пока над безвидной землею  
Он свищет на ветке своей.

Лишь звёзды блеснут по ошибке,  
И выше – уже никого,  
И музыка, подлая музыка,  
И вьюга сильнее всего.

А ветер гарцует по крыше,  
А воздух скандальный речист,  
И святочный Гоголь не слышит,  
Как я откликаюсь на свист.

Свистит, от волнения синий,  
И голову прячет в крыло,  
И сердце промозглое рвётся,  
И глухо кругом, и бело.

Качается ветка пустая.  
Тяжёлой водой налиты,  
К утру непременно замёрзнут  
Его голубые следы.

1994

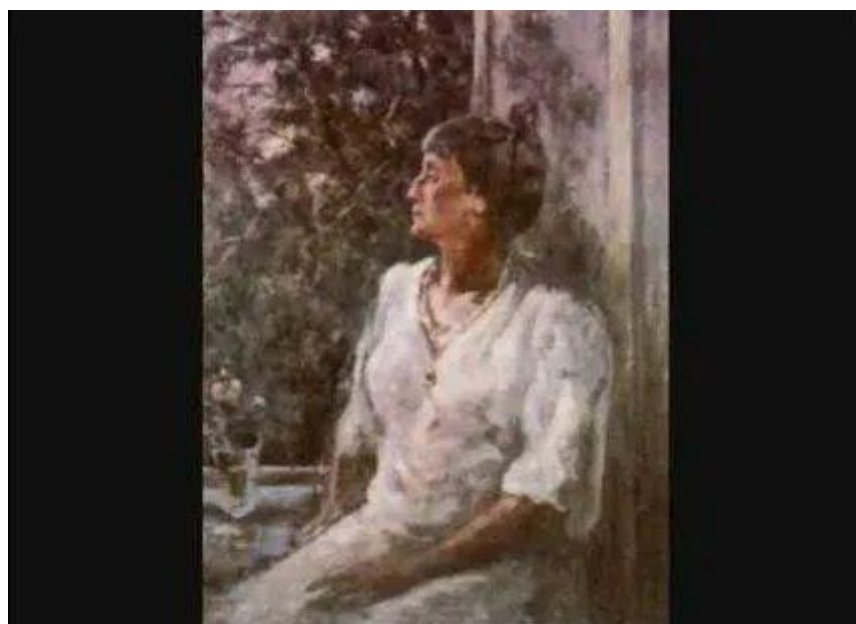
*Выполняя целостный анализ произведения И. Ермаковой, обратите внимание на то, как поэтическое сознание реагирует на творчество Н.В. Гоголя, каким образом передается в стихотворении поэтика гоголевских произведений, как выстраивается диалог с ними, какова пространственно-временная характеристика стихотворения.*

*Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.*

Максимальный балл - 70.

## Задание 2

Вас пригласили участвовать в совместном проекте Литературного музея и музея Изобразительных искусств по творчеству Анны Андреевны Ахматовой. Ваша задача оформить экспозицию, в которой представлены известные портреты поэтессы в соотнесении с поэтическими текстами, посвященными Анне Андреевне. Из представленных портретов и поэтических текстов выберите пару (портрет – текст) и напишите небольшое эссе (250–270 слов), в котором даётся объяснение вашему выбору. Охарактеризуйте основные принципы организации изобразительного портрета (композиция, поза, цвет, свет, расстановка смысловых акцентов в картине, динамика или статика) и поэтического. Какими выразительными средствами создается образ поэта в живописи и словесном произведении искусства? В чём сходство словесного и пластического образов Анны Ахматовой.



Портрет А.А. Ахматовой



Портрет А.А. Ахматовой.  
Художник Н.И. Альтман



Портрет А.А. Ахматовой.  
Художник К.С. Петров-Водкин



Портрет А.А. Ахматовой  
Художник Ю. Анненков

**Марина Цветаева**  
**Анне Ахматовой**

Узкий, нерусский стан —  
Над фолиантами.  
Шаль из турецких стран  
Пала, как мантия.

Вас передашь одной  
Ломаной черной линией.  
Холод — в весельи, зной —  
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь — озноб,  
И завершится — чем она?  
Облачный — темен — лоб  
Юного демона.

Каждого из земных  
Вам заиграть — безделица!  
И безоружный стих  
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,  
— Кажется, четверть пятого, —  
Я полюбила Вас,  
Анна Ахматова.

1915

**Игорь Северянин**  
**Перед войной**

Я Гумилеву отдавал визит,  
Когда он жил с Ахматовою в Царском,  
В большом прохладном тихом доме барском,  
Хранившем свой патриархальный быт.  
Не знал поэт, что смерть уже грозит  
Не где-нибудь в лесу Мадагаскарском,  
Не в удушающем песке Сахарском,  
А в Петербурге, где он был убит.  
И долго он, душою конквистадор,  
Мне говорил, о чем сказать отрада.  
Ахматова устала у стола,  
Томима постоянною печалью,  
Окутана невидимой вуалью  
Ветшающего Царского Села...

**Борис Пастернак**  
**Анне Ахматовой**

Мне кажется, я подберу слова,  
 Похожие на вашу первозданность.  
 А ошибусь, — мне это трын-трава,  
 Я все равно с ошибкой не расстанусь.

Я слышу мокрых кровель говорок,  
 Торцовых плит заглохшие эклоги.  
 Какой-то город, явный с первых строк,  
 Растет и отдается в каждом слоге.

Кругом весна, но за город нельзя.  
 Еще строга заказчица скупая.  
 Глаза шитьем за лампою слезя,  
 Горит заря, спины не разгибая.

Вдыхая дали ладожскую гладь,  
 Спешит к воде, смиряя сил упадок.  
 С таких гулянок ничего не взять.  
 Каналы пахнут затхлостью укладок.

По ним ныряет, как пустой орех,  
 Горячий ветер и колышет веки  
 Ветвей, и звезд, и фонарей, и вех,  
 И с моста вдаль глядящей белошвейки.

Бывает глаз по-разному остер,  
 По-разному бывает образ точен.  
 Но самой страшной крепости раствор —  
 Ночная даль под взглядом белой ночи.

Таким я вижу облик ваш и взгляд.  
 Он мне внушен не тем столбом из соли,  
 Которым вы пять лет тому назад  
 Испуг оглядки к рифме прикололи,

Но, исходив от ваших первых книг,  
 Где крепили прозы пристальной крупницы,  
 Он и во всех, как искры проводник,  
 Событья былью заставляет биться.

1929

**Полякова Надежда**

## Анне Ахматовой (Портрет)

И королевский профиль,  
И седины свечение,  
И молодые строфы  
Иного поколения.

И дальние разлуки,  
Как ветер за порогом,  
И маленькие руки,  
Целованные Блоком.

Надменность и усталость  
И клевета людская.  
И снова взлет, и старость,  
Как снег на скалах.

*1997*

Максимальный балл – 30.